

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vbaryshnikov@mail.ru

ЦЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ФИНЛЯНДИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР В 1941 ГОДУ

А н н о т а ц и я. Единственным официальным документом, в котором были публично определены задачи участия Финляндии в войне против СССР, был приказ, отданный 10 июля 1941 года К. Г. Маннергеймом. В этом приказе четко указывалось, что целью войны являлся захват значительных территорий Советского Союза и создание «Великой Финляндии». Отсутствие других официальных утверждений, однако, может быть компенсировано тем, что в ряде случаев представители финляндского руководства в 1941 году на дипломатическом уровне тоже делали весьма похожие с приказом Маннергейма заявления. О них в научно-исследовательской литературе известно мало. Тем не менее неопубликованные документы из архива Внешней политики Финляндии, а также документы Госдепартамента США, которые приводятся в данной статье, указывают на то, что финский президент, а также министр иностранных дел в 1941 году не раз сообщали американским дипломатам об истинных целях участия Финляндии в войне. Финские официальные представители прямо подчеркивали, что задачей Финляндии являлось присоединение значительной территории Советского Союза. Эти заявления полностью подтверждают, что политика Финляндии в 1941 году абсолютно соответствовала тем указаниям, которые Маннергейм давал финской армии.

Ключевые слова: К. Г. Маннергейм, «Великая Финляндия», финско-американские отношения, финская оккупация Советской Карелии

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02366, <https://rscf.ru/project/25-28-02366/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Для цитирования: Барышников В. Н. Цели политического руководства Финляндии в войне против СССР в 1941 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1318

ВВЕДЕНИЕ

Финляндия, как известно, приняла активное участие в агрессии Германии против СССР в 1941 году. Однако «за все это время для большей части финского народа вопрос о цели войны оставался туманным (здесь и далее перевод наш. – В. Б.)» [13: 60]. Когда началась война, то ее цели финский президент Р. Рюти попытался сформулировать в публичном обращении к населению 26 июня 1941 года. Но он это сделал очень неконкретно. Рюти заявил, что война начинается, «чтобы обеспечить счастливую и мирную жизнь будущим поколениям», указав при этом, что «на этот раз у нас, быть может, лучший шанс на успех, чем когда-либо раньше»¹. В результате реальные цели участия Финлян-

дии в войне приобретали элемент определенной тайны. Финские официальные лица принялись утверждать, что «ни одна из воюющих сторон не может точно заранее заявлять о своих военных целях» [6: 134]. Более того, руководством страны в августе 1941 года в редакции финских газет была передана «просьба», чтобы они «прекратили вообще писать о будущих границах» [9: 227], [10: 130], [13: 67]. Единственное, что тогда могли говорить журналисты, это мысль о том, что Финляндии «для достижения победы в оборонительной войне надо перейти старую границу» [10: 130]. Но конечных целей общего наступления все же не определялось. Главным оставался тезис, что «нам надо вести борьбу

до конца, установив границы, обеспечивающие мир» [10: 133].

Финским дипломатам, работавшим за рубежом, тоже было запрещено открыто высказываться о конкретных военных целях [7: 152]. Кроме того, осенью 1941 года президент Финляндии в интервью американскому журналисту, говоря о перспективах начавшейся войны, заявил, что указание, где пройдет граница, «должно в настоящее время оставаться военной тайной»². В результате реальные цели участия Финляндии в войне открыто не были сформулированы.

* * *

Единственным документом, в котором публично были определены задачи участия Финляндии в войне против СССР на стороне нацистской Германии, можно считать приказ К. Г. Маннергейма 10 июля 1941 года. В нем маршал касался вопроса начала перехода финских войск в наступление [1: 219]. Этот приказ затем был передан по финскому радио и напечатан в газетах [12: 134]. В нем говорилось, что «свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»³. Таким образом, Маннергейм четко указал на то, что одной из главных целей начавшейся войны являлся захват значительных территорий Советского Союза и создание «Великой Финляндии». Этот приказ стал важным и ответственным заявлением. Он долго готовился и имел весьма выверенный характер [1: 220]. Более того, Маннергейм полагал, что содержание приказа дает представление о его взглядах «на нашу войну и ее цель». В частной переписке он подчеркнул: «...теперь жребий все же брошен, и в гордой истории Финляндии начался новый период»⁴.

Действительно, как утверждают отдельные финские историки, подготовка приказа потребовала от маршала серьезных раздумий [7: 139–140]. На тщательность его подготовки указывает то, что сохранился даже черновик приказа, свидетельствующий о скрупулезной правке текста, которую выполнил Маннергейм за неделю до официального его обнародования [9: 196]. Сам стиль написания приказа напоминал характер распоряжений, которые Маннергейм отдавал еще в период финской гражданской войны в 1918 году [1: 220], [7: 139], [8: 56]. Но каких-либо конкретных заявлений, подтверждающих стратегический смысл этого приказа, публично ни маршал, ни представители финского руководства уже делать не стали. Маннергейм в частной переписке в июле 1941 года, отмечая значение данно-

го приказа, лишь уточнил, что решительность, которая содержалась в нем, вызвана прежде всего слабостью «нашего правительства», которое не до конца четко формулирует, как он полагал, наступательный характер начавшейся войны⁵.

Более того, в Финляндии сразу же появилось утверждение, что содержание приказа является лишь личным представлением Маннергейма о целях войны, а «президент республики и правительство не были предварительно проинформированы об этом приказе» [13: 66]. В целом, конечно, Маннергейм, как главнокомандующий, явно превысил свои полномочия, определяя конечные задачи всего финского наступления. Он это тоже, вероятно, понимал [7: 145]. Поэтому затем «в частных беседах с президентом и с отдельными членами правительства подчеркивал, что вовсе не стремился в приказе определить “политические цели войны”» [8: 217].

Однако информация об этом приказе стала широко известна и его смысл сейчас уже раскрыт в современной отечественной литературе [1: 219], [4: 262], [5: 208]. Но поскольку подтверждений указанных Маннергеймом целей войны от других официальных государственных деятелей Финляндии публично не последовало, то возникал вопрос, насколько Маннергейм выражал истинное мнение всего финского руководства. Тем не менее представители финляндского руководства в начале войны тоже позволяли себе делать похожие с Маннергеймом заявления. Они не были рассчитаны на широкое освещение, хотя полностью совпадали с содержанием приказа маршала. В этом отношении уникальной является американская дипломатическая переписка 1941 года, которая предстает весьма важным исследовательским источником. Ее анализ позволяет четко определить изначальные цели участия Финляндии в войне, поскольку финское руководство вполне искренне и достаточно откровенно пыталось донести до Соединенных Штатов общее представление о целях участия Финляндии в войне.

Первое, что следует учитывать при анализе этой переписки, это то, что в отношении к Соединенным Штатам у финского руководства существовал явный элемент доверия или даже уверенности, что Америка, несмотря ни на что, находится «на финской стороне». Действительно, в Вашингтоне, как отмечает американский исследователь М. Берри, считали, что «Финляндия являлась единственной страной, воевавшей на стороне Германии, которая пользовалась популярностью на Западе» [6: 127]. И финское руководство это хорошо чувствовало. Поэтому здесь

наблюдалась очевидная попытка соблюдать с американцами откровенный стиль общения и всячески избегать какой-либо официальной критики политики Соединенных Штатов [11: 58]. Это в США ценили и стремились данную особенность финской политики использовать, сохраняя дипломатические отношения с Финляндией вплоть до лета 1944 года. Таким образом, Вашингтон не позволил себе объявить Финляндии войну, как это сделали американцы, например, в отношении всех других сателлитов рейха в Европе, таких как Италия, Венгрия, Болгария, а также Румыния⁶. В целом на основе американских дипломатических документов 1941 года⁷, а также финской дипломатической переписки с Вашингтоном⁸ становятся более понятными реальные стратегические цели, которые Финляндия преследовала в войне. Именно эти документы могут прояснить, насколько приказ Маннергейма 10 июля 1941 года соответствовал представлениям, которые доминировали тогда в финском правительстве.

Таким образом, особо не скрывая конечные цели войны, в Хельсинки пытались скрыть от американцев только проблему тесного сотрудничества Финляндии с Германией. В финском руководстве, конечно, прекрасно представляли американскую позицию в отношении Третьего рейха. Там, естественно, знали о заявлении Вашингтона в начале Великой Отечественной войны:

«...любая защита от гитлеризма, любое объединение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорит окончательное падение нынешних германских лидеров и, следовательно, будет способствовать нашей (США. – В. Б.) обороне и безопасности» [11: 57].

Поэтому, скрывая свою открытую «дружбу» с нацистами, в Финляндии подчеркивали лишь свою особую ненависть к Советскому Союзу. Для Хельсинки являлось крайне важным представить совместную с рейхом агрессию против СССР как некую «обособленную» от Германии войну против русских и таким образом показать, что Финляндия собирается «вести борьбу, имея в виду свои собственные интересы, совершенно не идентичные интересам, которые преследуются Германией»⁹. В итоге, когда 26 июня 1941 года Финляндия официально объявила войну СССР, из финской столицы американцам четко сообщили, что «правительство Финляндии находится в состоянии войны вместе с Германией», но при этом подчеркнули, что начавшаяся война финской армией ведется «исключительно только против России»¹⁰. И это оказалось для американцев тогда вполне достаточным аргу-

ментом. Из Вашингтона финнов успокоили тем, что в отношении Финляндии политика США будет осуществляться, «следуя ходу событий»¹¹. Президент Р. Рюти даже выразил американскому посланнику «признательность за понимание, проявленное к Финляндии со стороны Соединенных Штатов»¹². Более того, 2 июля 1941 года, развивая финско-американский диалог, в Хельсинки посчитали возможным сообщить, что в Финляндии видят, «как правительство, так и народ Соединенных Штатов по-прежнему проявляют глубочайший интерес к народу Финляндии и сочувствуют его борьбе за независимость и свободу»¹³. Таким образом, финское руководство пыталось изобразить, что начавшаяся агрессия является лишь продолжением оборонительных боев Зимней войны. Это, как надеялись в Хельсинки, вполне сможет позволить сохранить прежние хорошие отношения с Америкой. И, как оказалось, это вполне удовлетворяло США.

Тем не менее у американцев не могли не возникнуть определенные вопросы к финскому руководству. Они как раз касались выявления реальных целей участия Финляндии в начавшейся войне. Для Америки довольно быстро стало очевидным, что финские задачи участия в войне явно не соответствовали заявленному стремлению Финляндии просто вернуть утраченные ранее финские территории. По мере развития событий на фронте в США стали четко понимать, что «некоторые недавние действия финского правительства, по-видимому, выходят за рамки, необходимые исключительно для защиты чисто финских интересов». Более того, там пришли к выводу, что «финские ресурсы могут на неопределенный срок стать подчиненными целям Германии за пределами Финляндии»¹⁴. Эти наблюдения американских дипломатов далее стали подтверждаться уже конфиденциальными заявлениями самих представителей финского руководства. В частности, президент Р. Рюти 4 июля 1941 года достаточно откровенно намекнул американскому дипломатическому представителю в Хельсинки Р. Шёнфельду, что все будет решаться не в плоскости международных отношений, а лишь на линии фронта. Он конкретно указал, как это было сообщено в Вашингтон, что «после падения Ленинграда, в котором он (Рюти. – В. Б.) был уверен, Финляндия в относительно короткие сроки вернет утраченные карельские территории». Более того, Рюти высказал свое «личное мнение», что «был бы склонен провести границу несколько западнее, чем до войны 1939–1940 годов»¹⁵. Таким образом, еще до приказа маршала Маннергейма, уже в самом начале

июля 1941 года, финский президент раскрыл американцам суть агрессивных замыслов участия Финляндии в войне против СССР в 1941 году. Когда же о приказе Маннергейма стало известно, то Р. Шёнфельд немедленно сообщил в Вашингтон, что этот приказ «четко выражает территориальные притязания Финляндии на ту часть Карелии, которая принадлежала Советскому Союзу до начала советско-финской войны 1939–1940 годов»¹⁶. Это уже явно выходило за рамки военных целей, объявленных президентом Рюти в его радиообращении 26 июня 1941 года.

Однако и тогда финское руководство постаралось представить американцам приказ Маннергейма как личное дело маршала. Министр иностранных дел Р. Виттинг 12 июля сообщил Р. Шёнфельду, что Маннергейм отдал этот приказ, «не ставя в известность политические власти», что он был направлен лишь на то, чтобы «в первую очередь воодушевить армию», и что «в настоящее время нет никаких намерений присоединять территорию» Советской Карелии¹⁷. Все эти заверения традиционно сопровождалось утверждением, что в действительности министр иностранных дел «может говорить со мной более свободно, чем с другими дипломатическими представителями, поскольку знает, что мы понимаем деликатность положения Финляндии»¹⁸.

Однако американские дипломаты все же продолжали фиксировать то, что «финские войска значительно превышают пределы, которые были бы допустимы для простой защиты истинных границ»¹⁹. В США стали понимать, что «независимо от того, насколько оправданна нынешняя позиция Финляндии, факт остается фактом: она объединила свои силы с Германией»²⁰. В Вашингтоне уже отлично представляли, что все «недавние военные операции Финляндии оказывают бесконечно ценную военную помощь нацистской мировой агрессии, но не способствуют собственной будущей безопасности Финляндии»²¹. Показательно, что данные заключения становились очевидными не только американским дипломатам. Даже в финском парламенте в то время стали открыто указывать на существующую для Финляндии опасность, которая была связана с ее участием в агрессивной войне. Один из депутатов прямо заявил председателю комиссии по иностранным делам В. Войонмаа: «Финляндия возьмет Карелию, а Германия заберет Финляндию»²².

Финляндия, таким образом, начала самую настоящую агрессивную войну в союзе с Германией, и это становилось все более и более понят-

ным. Ее цели полностью соответствовали неофициальному заявлению Р. Рюти, которое он сделал американцам 4 июля 1941 года. Реальное положение на фронте и агрессивные действия финских войск были настолько очевидными, что 1 августа Великобритания разорвала с Финляндией дипломатические отношения. Однако Америка этому примеру не последовала, объясняя это стремлением продолжать дипломатическое влияние на финляндское руководство²³. И эта перспектива действительно тогда для Вашингтона обозначилась. 4 августа 1941 года И. В. Сталин направил президенту США Ф. Рузвельту письмо. В нем говорилось, что «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии». В письме говорилось, что «Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»²⁴. 18 августа американцы передали советские предложение в Хельсинки²⁵. В результате на данном историческом этапе дипломаты США уже получили возможность четко определить цели участия Финляндии в войне против СССР и таким образом понять, насколько мнение Маннергейма соответствует реальным замыслам всего финского руководства. Теперь уже явно открылась прекрасная возможность узнать, «как долго и до какого предела Финляндия намерена продолжать боевые действия...»²⁶. Для Вашингтона было бы вполне достаточным, если бы в Хельсинки официально объявили, что финская армия «не устремится дальше границ 39-го года»²⁷. Об этом довольно четко писала американская печать. В частности, газета «Нью-Йорк Таймс» открыто указывала на то, что, как только Финляндия вернет себе утраченные территории, «логика и здравый смысл будут диктовать немедленное заключение сепаратного мира с Москвой» [6: 127]. Эту перспективу для Финляндии в Вашингтоне от финских дипломатов не скрывали, прямо подчеркивая, что были бы «очень рады, если бы Финляндия смогла восстановить свои прежние границы и на этом остановилась» [6: 129].

Но, естественно, в Хельсинки не собирались публично откеститься от отданного Маннергеймом приказа о переходе финской армии в наступление. Поэтому давать ответ на обращение США Финляндия не собиралась [6: 126]. Из Финляндии американцам просто «не дали прямого ответа»²⁸. В условиях, когда финская армия уже подходила к прежним границам и ожидался штурм

Ленинграда, в финском руководстве мира никто не искал. Как заметил по этому поводу американский исследователь М. Берри, тогда «каждый финн, даже с самыми ограниченными способностями мыслить, понимал, что добрые услуги, предлагаемые США, в то время были бы бесполезны» [6: 127]. В финском руководстве явно существовало единое мнение, «почти все верили в быстрое сокрушение России» [13: 64]. Действительно, президент Р. Рюти в узком кругу достаточно откровенно заявил, что «если Германия победит и Советский Союз распадется, то Восточная (Советская. – В. Б.) Карелия – наша» [9: 51]. Эта же мысль легла в основу подготовленных финскими исследователями и изданных достаточно массовыми тиражами на немецком языке двух книг. Данные книги имели весьма выразительные названия – «Жизненное пространство Финляндии» и «Финский Восточный вопрос»²⁹. Причем полемика в отношении содержания этих книг в финской печати была запрещена [13: 68].

В целом единственная проблема, которая тогда заботила финских дипломатов в их отношениях с США, заключалась в том, чтобы выяснить, насколько американское обращение к финскому руководству в отношении мира отражает интересы самих Соединенных Штатов. Они явно хотели разобраться, являлось ли предложение о мире «инициативой России или же это было изобретением США»³⁰. Для Хельсинки идеальным было бы предположение, что в действиях американских дипломатов проявлялась лишь «честная обеспокоенность США за нашу (финскую. – В. Б.) судьбу»³¹. Более того, считалось, что США «в действительности не проявляют желания, чтобы Финляндия вышла из войны до того, как прояснится ее окончательный конец» [13: 65]. Таким образом, реакция финского руководства на американскую инициативу четко указывала на то, что возвращение утраченных в годы Зимней войны территорий не являлось главной задачей участия Финляндии в войне. И в Вашингтоне это хорошо почувствовали. Там стали ясно понимать, что в Хельсинки просто «не выражают желания путем переговоров изучить возможность мирного урегулирования»³².

Естественно, подобные заключения не требовали особенно серьезной аналитической работы. Как по этому поводу отметил финский исследователь А. Руси, «убедить западные державы в том, что ведется оборонительная и обособленная война, становилось все труднее» [10: 166]. Более того, финское руководство стремилось оставаться с американцами, как и прежде,

предельно откровенным. Финскому посланнику в Вашингтоне дали указание прямо заявить, что «относительно мира у нас сейчас нет оснований и нет причины определять нашу позицию в войне»³³. Таким образом, американцы почувствовали, что у финских дипломатов отказ от посреднической миссии США никаких опасений не вызывал. В США фиксировали, что финны «ни о чем не проявляли абсолютно никакого беспокойства, кроме повторений своей враждебности к России» и, более того, даже пытались «демонстрировать неспособность Соединенных Штатов осознать большевистскую опасность, угрожавшую Финляндии и всему миру» [6: 132].

В это время Р. Рюти прямо указывал представителям США, что считает «почти нелепым утверждение, что Финляндия своей войной (с СССР. – В. Б.) угрожает безопасности Америки»³⁴. Более того, в Хельсинки могли себе даже тогда позволить выражать в отношении американцев свои собственные претензии. Их явно раздражали и нервировали начавшиеся мирные инициативы, исходившие от Америки. Как считали в финских дипломатических кругах, эти действия лишь свидетельствуют о «намерениях Соединенных Штатов “терроризировать” Финляндию, чтобы заставить ее заключить мир с Советским Союзом»³⁵. Американские предложения стали расцениваться так, что теперь для Финляндии со стороны США «наступила эра давления»³⁶. Поэтому финский посланник в Вашингтоне Я. Й. Проккопе сообщил госсекретарю К. Хэлли, что его страна воюет не на стороне Германии, а сражается «за достижение своих целей, которые означают борьбу за свободу и безопасность»³⁷. Столь заносчивое заявление было сделано, вероятно, с учетом того, что К. Хэлл пытался представить себя в качестве «старого друга Финляндии и твердого сторонника ее независимости» [6: 129]. В целом, по мнению американского историка М. Берри, подобные

«заявления финских официальных лиц, очевидно, были частью усилий по убеждению Госдепартамента в отсутствии необходимости оказывать давление на Финляндию с целью заключения сепаратного мира» [6: 132].

В сентябре 1941 года финские войска пересекли старую государственную границу с СССР. Это никак не подтверждали официальные финские декларации, хотя в продолжающихся встречах с американскими дипломатами тема вынужденности участия Финляндии в войне против Советского Союза упорно сохранялась. Так, министр иностранных дел Р. Виттинг явно пы-

тался изображать Финляндию перед США в качестве «жертвы» начавшейся войны. Он заявил, что «борьба Финляндии за свою безопасность в условиях войны определяется стратегическими основами»³⁸. Но при этом Виттинг добавил к сказанному показательную фразу. Финский министр иностранных дел честно заявил американскому посланнику, что в 1939 году именно «Гитлер спровоцировал нападение СССР на Финляндию». Далее он пояснил: «Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не внесли никакого существенного вклада в оборону Финляндии», поскольку его страна тогда «почти не получила помощи от Великобритании или Соединенных Штатов»³⁹. Этим заявлением Виттинг явно стремился оправдать агрессивный характер финско-германского альянса, поскольку скрывать его становилось практически невозможно.

Что же касается целей участия Финляндии в войне, то они для американских дипломатов продолжали становиться все более очевидными. Они уже ясно понимали, что цели Финляндии, вне всякого сомнения, тесно переплетаются с задачами Третьего рейха [6: 144–145]. Поэтому, как доносили в Вашингтон, в Финляндии, «искренне веря в чудеса, мечтают о безоговорочной победе, достаточной для устранения России»⁴⁰.

В целом в Хельсинки искренне надеялись, что американцы их понимают и тоже считают Советский Союз своим потенциальным противником. Поэтому, как полагали в финском руководстве, США должны просто учитывать, что для Финляндии «в настоящих условиях нет возможности думать о сепаратном мире». В Хельсинки продолжали верить, что «официально Соединенные Штаты симпатизируют Финляндии», что они «чистосердечно» хотят предостеречь финское руководство «от той опасности, которая может повлиять на судьбу Финляндии»⁴¹. В результате им неизменно повторяли, что «Финляндия... не связана никакими политическими обязательствами перед немцами»⁴².

Таким образом, в финской столице постоянно стремились подчеркивать американцам свое особое положение. Финский президент даже позволил себе 25 октября 1941 года заносчиво указать посланнику США, что «Финляндия не является вассалом ни Соединенных Штатов, ни Великобритании, ни Германии и проводит исключительно собственную политику»⁴³. А на деле, как записал в своем дневнике Р. Рюти, он заявил американскому дипломату: «Мы не жертвуем кровью финнов за какое-либо иностранное государство, а ведем свою борьбу за свою собственную жизнь и нашу независи-

мость»⁴⁴. Однако он, как сообщили в Госдепартамент, пояснил, на что собственно в Хельсинки тогда надеялись. Финский президент произнес фразу, которую, безусловно, можно было расценивать как «нечаянное» откровение. Он фактически очертил перед американским дипломатом конкретные цели участия Финляндии в войне. Р. Рюти заявил: «С ожидаемым падением Ленинграда ситуация на финском фронте значительно прояснится». Далее добавил, что «это произойдет в течение нескольких недель»⁴⁵. Показательно, что эту же мысль чуть раньше выразил американцам и финский посланник в Вашингтоне Я. Й. Прокопе. Он также указал, что «Петербург является важнейшей из баз агрессии Советского Союза» против Финляндии. Более того, Прокопе заявил, что вообще «для западных государств было бы выгодно, если бы территории, находящиеся за восточной границей (Финляндии. – В. Б.), находились бы у Финляндии»⁴⁶. Действительно, как указывают отдельные финские историки, общей «сущностью финско-немецкого сотрудничества в начальной стадии войны был вопрос о взятии Ленинграда», и об этом иногда проговаривались [10: 144].

То, что Ленинград будет взят, сомнений в Финляндии не возникало. Об этом свидетельствует факт заранее заготовленного выступления по радио, в котором должна была прозвучать информация о взятии Ленинграда. В так и не произнесенной речи патетически указывалось: «Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна». Далее без всяких эмоций делалось утверждение: «Для нас, финнов, Петербург действительно принес зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений» (цит. по: [3: 127]). Все это, конечно, подводило к мысли о «ненужности» существования для Финляндии этого города.

Естественно, о заготовленной заранее речи по финскому радио американцы не знали, но уже тогда финское руководство четко обозначило США свои цели и задачи участия их страны в войне. Им было вполне ясно показано, что Финляндия собирается не только возвратить земли, потерянные в ходе Зимней войны, но и присоединить новые территории, и в стране даже мечтают с помощью немецких войск уничтожить Ленинград. Более того, в Хельсинки явно давали понять, что момент возможного заключения мирного договора с СССР несвоевременен и там «во все не хотят заключать сепаратный мир»⁴⁷. Лю-

бопытным, однако, являлось то, что все беседы о Ленинграде с американцами проходили тогда, когда на ближних подступах к городу фронт стабилизировался и войска переходили к ведению сугубо позиционной войны.

Прогноз Р. Рюти о ближайшем взятии Ленинграда оказался, естественно, неверным. Взять город так и не удалось. Но для США стало уже предельно понятно, что «нет никакой надежды на то, что Финляндия откажется от территорий, отвоеванных у Советского Союза, или она изменит свою политику» [6: 141]. Более того, в подтверждение этого вывода, несмотря на очевидный срыв плана «Барбаросса», 11 ноября 1941 года в Хельсинки официально сообщили Соединенным Штатам свою окончательную на тот момент позицию. Было объявлено о невозможности достижения мира Финляндией. Финское руководство объяснило это тем, что страна продолжает «стремиться обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года» (цит. по: [2: 282])⁴⁸. Это официальное заявление полностью раскрывало фактические цели участия Финляндии в войне против СССР совместно с нацистской Германией. Причем то, что тогда сообщили американцам, было уже, как отмечают исследователи, хорошо «известно Госдепартаменту» [6: 145]. К тому же, усиливая свою позицию в отношении определения военных целей войны, финские дипломаты также указали на то, что у них «нет никаких тайн»⁴⁹ от Америки, что ясно показывало полностью определившуюся позицию относительно тех задач, которые преследовало финское руководство в начавшейся войне и которые абсолютно соответствовали мнению Маннергейма.

Однако данные события не оказали влияния на политику США относительно Финляндии. Как отметил американский исследователь А. Шварц, «чиновники Госдепартамента не видели причин отвечать на финскую ноту от 11 ноября» [11: 72]. Далее историк уточнил, что в Вашингтоне решили просто «отказаться от чрезмерного настраивания Финляндии против себя» [11: 75]. Действительно, в США продолжало существовать представление, что «из-за дружественных отношений, которые всегда связывали нас с Финляндией, мы по-прежнему воздерживаемся от окончательных выводов о нынешней политике финского правительства»⁵⁰.

Основной вывод, к которому пришел американский посланник после получения официального заявления финнов об отказе начать мирные переговоры, был весьма показательным. Он по-

считал, что само изменение в финской политике случится, лишь «когда произойдет перелом в ходе войны». В своем докладе в Госдепартамент американский дипломат вполне резонно уточнил, что эта финская политика будет продолжаться, «пока страдания финского народа не усугубятся и пока последствия сотрудничества с немцами не станут более очевидными»⁵¹. В целом стало уже хорошо понятно, что

«многие финские лидеры ожидали, что немецкий “новый порядок” будет доминировать в послевоенной Европе, и верили, что Финляндия сможет каким-то образом приспособиться к новому режиму» [6: 149].

Осенью 1941 года американцам, таким образом, полностью были раскрыты основные цели участия Финляндии в войне. Для Вашингтона стало предельно понятно, что «финское правительство решило поставить все на окончательную победу Германии»⁵². Это мнение, собственно, и прозвучало 28 ноября на пресс-конференции госсекретаря К. Хэлла. Он тогда отметил, что «каждый шаг финского правительства... подтверждал опасения, что оно полностью сотрудничает с гитлеровскими войсками»⁵³. Но на большее, чем это жесткое дипломатическое заключение, в США так и не решались, хотя имели уже неоспоримые свидетельства того, что Р. Рюти «предпочел бы опасность, связанную с господством Германии на континенте», чем мир с СССР⁵⁴.

ВЫВОДЫ

В результате финское руководство как своими заявлениями американцам, так и действиями вооруженных сил четко обозначило основные цели участия Финляндии в войне. Эти цели заключались не только в возвращении утраченных территорий, но и захвате новых. Более того, речь шла о перспективе захвата второго по величине и значимости города Советского Союза – Ленинграда. Решение всех этих масштабных задач целиком связывалось с победой Германии и перспективой уничтожения соседнего с Финляндией государства. При этом в Хельсинки явно рассчитывали на возможность получения определенной дипломатической поддержки США.

Таким образом, цели участия Финляндии в войне, которые изложил Маннергейм в своем приказе о начале наступления, полностью подтверждались дальнейшими заявлениями американским дипломатам от лица финского президента и министра иностранных дел, и это была вполне официальная государственная политика.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Suomen sinivalkoinen kirja. Osa II. Helsinki, 1941. S. 138.
- ² “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. Helsinki, 2006. S. 150.
- ³ Цит. по: По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. С. 70.
- ⁴ Цит. по: Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2022. С. 328–329.
- ⁵ Там же. С. 328.
- ⁶ См.: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. Europe. Vol. II. Washington, 1962. P. 63.
- ⁷ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, 1959.
- ⁸ Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 12 L (Yhdysvallat); 110 A 3 с.; 110 B 1; 110 G; 5 C 8 и др.
- ⁹ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 30.6.1941.
- ¹⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. P. 44.
- ¹¹ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 3.07.1941.
- ¹² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 46.
- ¹³ Ibid. P. 44.
- ¹⁴ Ibid. P. 45.
- ¹⁵ Ibid. P. 47; См. также: “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 117.
- ¹⁶ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 49.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid. P. 74–75.
- ²⁰ Ibid. P. 73.
- ²¹ Ibid. P. 85.
- ²² Цит. по: Voionmaa V. Kuriiripostia 1941–1946. Helsinki, 1971. S. 48.
- ²³ См.: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington, 1963. P. 267.
- ²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 5; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 98.
- ²⁵ UM. 110. A 3 с. Prokopén tiedotus Wittingelle, 19.08.1941; 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 19.08.1941.
- ²⁶ Ibid. 110 B 1. Jälkikaikunja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. Jälkikaikunja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. 12 L. Washingtonin-löhetystön raportti, 26.09.1941; Ibid. 110. A 3 с Musetamia Yhdysvaltain suhtautumista Itä-Karjalan kysymykseen ja Suomen sotaan syksyllä 1941 koskevia reunamuistutuksia (Prokopé).
- ²⁷ Ibid. 110 B 1. Sähkö Suomesta, 09.10.1941: Ankara, Berlin, Bern, Budapest, Copenhagen, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Tokio, Washington. См. также: Ibidem. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ²⁸ UM. 110 G. Jatkoa puheenjohtajan laatimaan esitysluonnokseen. 17.05.1945. V. Niskanen.
- ²⁹ Auer V., Jutikkala E. Filmlands Lebensraum. Berlin, 1941; Jaakkola J. Die Ostfrage Finnlands. Porvoo, 1941.
- ³⁰ UM. 110. A 3 с. Prokopén tiedotus Wittingelle, 19.08.1941.
- ³¹ Ibid. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. Raportti Washingtonista, 20.08.1941.
- ³² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 88–89.
- ³³ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähköet. 31.08.1941.
- ³⁴ “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 149.
- ³⁵ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 102.
- ³⁶ UM. 5 C 8. Kuinka Yhdysvallat joutuivat mukaan sotaan; Niiden Venäjän – politiikan vaikutus amerikkalais-suomalaisiin suhteisiin (Washington, 17.8.1942).
- ³⁷ Ibid. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ³⁸ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ³⁹ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 73.
- ⁴⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. P. 68. Также в Вашингтон сообщалось: «Что-то казалось слишком уж идеальным в этой мечте о том, что немцы победят русских, а потом сами будут повержены, и Финляндия останется невредимой, ее торговый долг будет списан, рынки сбыта – открыты, восточная граница – защищена, а ее обычное положение – как всегда – незыблемо» (Ibid. P. 81).
- ⁴¹ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista.
- ⁴² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. P. 111.

- ⁴³ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 83.
- ⁴⁴ “Käymme omaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat. 1940–1944. S. 143.
- ⁴⁵ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 84.
- ⁴⁶ UM. 110 B 1. Jälkikaikuja erikoisrauhanhuhuista; Ibid. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähkeet. Raportti Washingtonista, 26.09.1941.
- ⁴⁷ UM. 12 L (Yhdysvallat). Tulevat sähkeet. 08.09.1941.
- ⁴⁸ См. полный текст заявления: Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 91–98.
- ⁴⁹ UM. 110. A 3 с Musetamia Yhdysvaltain suhtautumista Itä-Karjalan kysymykseen ja Suomen sotaan syksyllä 1941 koskevia reunamuistutuksia (Prokopé).
- ⁵⁰ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 89.
- ⁵¹ Ibid. P. 99.
- ⁵² Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1942. Europe. Vol. II. P. 38.
- ⁵³ Foreign relations of United States. Diplomatic papers. 1941. Vol. I. P. 107.
- ⁵⁴ Ibid. P. 54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 384 с.
2. Барышников Н. И. К вопросу о «стратегических границах» Финляндии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границ. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 281–293.
3. Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 410 с.
4. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 334 с.
5. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 539 с.
6. Berry R. M. American foreign policy and the Finnish exception. Ideological preference and wartime realities. Helsinki: SHS, 1987. 492 p.
7. Jägerskiöld S. Suomen marsalkka. Gustaf Mannerheim 1941–1944. Helsinki: Otava, 1981. 560 s.
8. Lehmus K. Tunteaton Mannerheim. Helsinki: Weilin + Göös, 1967. 243 s.
9. Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Helsinki: Kirjayhtymä, 1980. 328 s.
10. Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Helsinki: Suomen historiallinen seura 118, 1982. 394 s.
11. Schwartz A. J. America and the Russo-Finnish War. Washington: Public Affairs Press, 1960. 103 p.
12. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderstrom Osakeyhtiö, 1984. 268 s.
13. Vilkuna K. Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. Helsinki: Otava, 1962. 188 s.

Поступила в редакцию 12.03.2026; принята к публикации 30.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Vladimir N. Baryshnikov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation)
vbaryshnikov@mail.ru

AIMS OF FINLAND'S POLITICAL LEADERSHIP IN THE WAR AGAINST THE USSR IN 1941

Abstract. Carl Gustav Mannerheim's order of July 10, 1941, was the only public statement outlining specific objectives for Finland's participation in the war against the USSR alongside Nazi Germany. In this order, Mannerheim explicitly stated that the aims of the war included seizing extensive Soviet territories and creating a Greater Finland. Although no other official statements were issued publicly, representatives of the Finnish leadership made similar remarks on several occasions at the diplomatic level in 1941. These remarks have received little attention in the scholarly literature. Nevertheless, unpublished documents from the Finnish Foreign Policy Archives, as well as U.S. State Department records cited in this article, reveal that both the Finnish president and the minister of foreign affairs repeatedly briefed American diplomats in 1941 on the true objectives of Finland's participation in the war. These officials explicitly emphasized that Finland aimed to seize substantial Soviet territory. These statements confirm that Finnish policy in 1941 was entirely consistent with the instructions Mannerheim had issued to the Finnish army.

Key words: Carl Mannerheim, Greater Finland, Finnish-American relations, Finnish occupation of Soviet Karelia
Acknowledgements. The study was funded by the Russian Science Foundation grant No 25-28-02366 allocated to Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (<https://rscf.ru/project/25-28-02366/>).
For citation: Baryshnikov, V. N. Aims of Finland's political leadership in the war against the USSR in 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(4):27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1318

REFERENCES

1. Baryshnikov, V. N. Mannerheim and the Soviet Union. Moscow, 2021. 384 p. (In Russ.)
2. Baryshnikov, N. I. Revisiting the issue of Finland's "strategic borders". *Russia and Finland in the XVIII–XX centuries. Specifics of borders*. St. Petersburg, 1999. P. 281–293. (In Russ.)
3. Baryshnikov, N. I. Finland: From the wartime history of 1939–1944. St. Petersburg, 2010. 410 p. (In Russ.)
4. Baryshnikov, N. I., Baryshnikov, V. N., Fedorov, V. G. Finland in World War II. Leningrad, 1989. 334 p. (In Russ.)
5. Verigin, S. G. Karelia during the years of war ordeals. Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during World War II, 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 539 p. (In Russ.)
6. Berry, R. M. American foreign policy and the Finnish exception. Ideological preference and wartime realities. Helsinki, 1987. 492 p.
7. Jägerskiöld, S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. Helsinki, 1981. 560 s.
8. Lehmus, K. Tunteaton Mannerheim. Helsinki, 1967. 243 s.
9. Manninen, O. Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Helsinki, 1980. 328 s.
10. Rusi, A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Helsinki, 1982. 394 s.
11. Schwartz, A. J. America and the Russo-Finnish War. Washington, 1960. 103 p.
12. Seppälä, H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva, 1984. 268 s.
13. Vilkuna, K. Sanan valvonta: sensuuri 1939–1944. Helsinki, 1962. 188 s.

Received: 12 March 2026; accepted: 30 April 2026; published: 29 May 2026